

Общая газ.

1996. - 28 марта. - с 10.

ПОЗИЦИЯ

Эрнст Неизвестный: «Жил бы в России, был бы Кассандрой»

На проходившую в Российском культурном центре в Париже 24 и 25 марта конференцию «От диссидентства к демократии. Прошлое, настоящее и будущее России» собрались многие россияне — от бывших диссидентов до ныне известных ученых, художников, читателей, историков, журналистов. Они съехались в Париж из США, Англии, Франции, России, чтобы прежде всего почтить память главного редактора журнала «Континент» писателя Владимира Максимова, годовщина со дня смерти которого исполнилась 26 марта, а также обменяться мнениями о том, что может сделать российская интеллигенция в России и за рубежом, чтобы препятствовать разрушению ее культурных ценностей, способствовать выводу России из тяжелого положения.

В конференции принял участие Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ, отправляющийся из Парижа в Москву, где 29 марта открывается новая персональная выставка его работ. Предлагаем его беседу с корреспондентом РИА «Новости» в Париже Николаем ВИХЛЯЕВЫМ.

— Я не мог не приехать на эту конференцию в Париж, ведь Владимир Максимов был моим другом. Я также являюсь членом редколлегии журнала «Континент» и считаю, что наше парижское обсуждение многих стоящих перед Россией проблем было весьма полезным.

Еще в 1970 году я писал, что не верю в детерминизм истории по многим причинам и прежде всего потому, что я скульптор, художник, а художник не может верить только в позитивистские ценности. Я верю в нечто другое. Я не разделяю, например, пессимизма моего друга писателя Зиновьева. Тогда же, в 1970-м я написал, что изменения невозможны, но изменения неизбежны и что я надеюсь дожить до того времени, когда коммунисты будут петь в Кремле «Боже, царя храни!».

Сегодня в силу того, что я живу вне России, я не верю ни в какие оценки и советы, преподносимые ей извне за исключением, пожалуй, геополитических и экономиче-

ских советов. Возможно, я был бы Кассандрой, если бы жил в России.

Предстоящие в июне выборы имеют существенное значение для путей развития России. Но они не имеют значения для продолжительного отрезка времени, потому что сегодня ни одна страна не может жить изолированно. Даже самое малое племя включено в общепланетарный поток: экономика, экология, атомная бомба, выживание рода и т.д. Поэтому если выборы или трансформация политиков будут происходить в сторону, противоречащую развитию мира, то есть будут приводить к некоей изоляции или реставрации, то это будет весьма страшно, поскольку проходить это будет по жизням людей, как все, что происходит в истории. И в этом смысле правозащитники всегда бывают правы, когда об этом думают, поскольку их религия — это права человека. В любом случае движение будет происходить ко все большему свободам — свободе информации, свободе совести, свободе, которая меня больше всего волнует, — свободе личностного художественного выражения артиста, художника, поэта, писателя, философа.

Но поворот, каким бы он ни был, никогда не может быть вспять. Полной реставрации никогда не происходит. Применительно к на-

шей стране хотелось бы верить, что та или иная форма интеграции в рамках прежнего огромного государства и на новой федеральной основе будет иметь место. Я как раз сторонник этого, а не изоляционизма. Но в какой форме и каким образом это будет происходить — в этом большой вопрос. Я полагаю, что в обозримом историческом будущем какая-либо конфедерация вполне естественна и она сложится. Разумеется, я не знаю, каким образом это произойдет. Знаю только, что скрепление по вертикали, которое пытались делать во времена Горбачева, а затем и авторы августовского путча 1991 года, практически невозможно. Это как раз то, о чем в свое время говорил в беседе со мной Борис Ельцин. Да, говорил он, разъединяться не следует, просто нужно объединиться по горизонтали на другой основе. На мой взгляд, это абсолютно верное решение. Попробуйте, например, выгнать какой-нибудь американский штат из федерации штатов, да он сам оттуда никогда не выйдет!

Хотел бы верить, что у Ельцина есть шансы быть избранным на второй срок. Ведь свобода информации, свобода слова все-таки существует сегодня в России, а это огромное завоевание!

Париж
ИТАР-ТАСС

121